

Е.В. ПЕТРОВ (*Санкт-Петербург*)

**РОЛЬ РУССКИХ ИСТОРИКОВ-ЭМИГРАНТОВ
ВСТАНОВЛЕНИИ «РОССИЕВЕДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ»
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Я считаю очень желательным знакомство с русской научной мыслью англосаксов.

Из переписки В. Вернадского с Г. Вернадским // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3А/989. Д. 307. Л. 22

Россия, по выражению Черчилля, всегда была для западного мира «энигмой», не иначе, как «загадкой, облеченной в тайну и сокрытой в неизвестности». Эмиграция «исписала ворохи бумаги»¹, чтобы помочь западному миру понять природу русского феномена. За пределами России в 1930-е гг. выпускалось более 1000 периодических изданий, в которых эмигранты размышляли о судьбе и будущем России. В зарубежных библиотеках и книжных магазинах на сегодняшний день насчитывается около 5 млн русскоязычных изданий. Только на английском языке каждый год публикуется до 200 книг и 2,5 тыс. статей, посвященных российской проблематике. Британская национальная ассоциация по изучению славянских культур — одна из самых многочисленных, имеющая свою давнюю историю.

В начале XX в. заметное влияние на становление россиеведческой традиции в Великобритании оказала русская научная диаспора. Эмигранты отмечали, что в Англии существовали более благоприятные условия для их деятельности, чем, скажем, во Франции, правительство которой частенько заискивало перед царизмом. Поданным переписей, число русских в Англии и Уэльсе в 1871 г. составляло 2513 человек, в 1881 г. — 3789 человек, в 1891 г. - 23 622 человека.

До Первой мировой войны Российское государство в общественном мнении британцев отождествлялось с такими понятиями, как «деспотизм» и «варварство». При этом не проводилось

никаких различий между царским самодержавием и русским народом. Энтузиастами славистических исследований в Великобритании в этот период выступали главным образом путешественники, дипломаты, журналисты, писатели, имеющие в силу жизненных обстоятельств больше общего с романтической и политической традицией, чем с серьезной академической наукой. В целом же издававшаяся в Англии литература о России, как оригинальная, так и переводная, была весьма малочисленна. Развитие геополитической ситуации на европейском континенте в начале века прямым образом сказалось на форсированной подготовке специалистов в области славистики, арабистики, полонистики, русистики. Нельзя не заметить, что формирование профессионального интереса в Англии к русским делам складывалось не без участия российской политической эмиграции. Мнение вчерашних граждан России представлялось британскому обществу наиболее компетентным и достоверным источником информации в русском вопросе. В обращении к ним официальным лицам виделся тот удобный случай, дающий возможность сопоставить собственное видение проблемы с мнением оригинальных носителей языка.

Традиции объективного освещения российских проблем в англосаксонском мире стремилось развивать «Общество друзей русской свободы» (1890-1915). Оно имело представителей в Эдинбурге, Лидсе, Ланкастере, Оксфорде, Плимуте и самостоятельный отдел в Северной Америке. Общество ежемесячно с июня 1890 г. издавало журнал «Свободная Россия» («Free Russia»). Еще в начале века русская политическая эмиграция ощутила, как легко средства массовой коммуникации «цементируют» разрозненных эмигрантов в качественно новую надгосударственную общность. Статьи из «Free Russia» часто перепечатывались английскими и другими европейскими газетами, а сам журнал приобрел репутацию достоверного источника информации о внутренних делах Российской империи. Правда, политическая ангажированность сторонников и противников правящего режима в России не внушала доверие Уолл-стриту. В самых широких политических и культурных слоях британского общества испытывался острый дефицит достоверной информации. В этих условиях само развитие ситуации подсказывало необходимость об-

ращения к более серьезным и фундаментальным академическим исследованиям для изучения положения дел в России и проработки содержания «занозных» вопросов. Действовать по науке становилось не только модным, но и респектабельным явлением.

В 1903 г. «опальный» русский медиевист П.Г. Виноградов (1864-1925) получил предложение возглавить кафедру сравнительного правоведения в Оксфордском университете. В 1918 г. он окончательно принял английское подданство. Интересно высказывание В. Маклакова о том, что «Виноградову с его взглядами, с его европеизмом было нелегко жить в России». «И если мы не можем себе представить Ключевского вне России, то Виноградов гораздо лучше виден в Европе». «Напротив, ему было трудно ужиться в России, не только с правительством, но и нашей общественностью»². Многолетний опыт преподавания П.Г. Виноградова и М.М. Ковалевского в университетах Европы и США послужил достойным примером для других. Зимой 1903/04 г. Лондон посещал П.Н. Милюков. Он работал в Британском музее и позже вспоминал об этих днях: «Это была моя первая длительная остановка в Англии, и я имел теперь возможность ближе ознакомиться с английским бытом и сойтись... с английскими радикалами... Гардинер, видный журналист, устроил мне многолюдный банкет... другой радикал, Перрис, предложил написать популярную брошюрку... Я честно пытался, но так и не смог вместить в крошечный томик свою большую тему... Организовал мне "чай" и молодой кружок талантливых публицистов и историков; из них помню Джорджа Глазго, участника журнала "The Round Table", Сетон-Уотсона, дружба с которым сохранилась надолго...»³.

Последующие революционные события 1905 г. в России, национально-освободительная борьба угнетенных славянских народов габсбургской монархии явились мощными стимулами развития славистики в Великобритании, причем развития ее не только в филологическом русле, но и в русле историко-юридическом. Под давлением текущей конъюнктуры новая наука расширяла предмет своих исследований, в университетах открывались славистические отделения, где читались экономические, политические, исторические курсы. Превращение славистичес-

кого знания в научную дисциплину создавало объективную потребность в более четком определении объекта и метода славистического исследования, совершенствования страноведческой техники работы над источниками. Весной 1913 г. в Лондоне проходил Международный конгресс исторических наук. В его работе участвовал М.И. Ростовцев.

По мере приближения Первой мировой войны средства массовой информации Англии и США стали реже публиковать критические материалы о внутреннем строе России. Напротив, все настойчивее зазвучали голоса сторонников сближения с царизмом. По мнению Ч. Сароли, отчасти виноваты в этом и русские радикалы, сделавшие Лондон местом постоянных политических заговоров. Изучением истории России в этот период особенно интенсивно занимались университеты Лондона, Оксфорда, Бирмингема, Глазго, Сванси. Для сравнения, департаменты славистики в 1914 г. имелись в США лишь в Гарварде, Колумбии, Калифорнии, Чикаго.

В 1915 г. в составе Королевского колледжа при Лондонском университете была создана Школа славянских и восточно-европейских исследований. Руководил работой школы профессор Бернард Пейерс. Его труды по истории дореволюционной России, появившиеся в 1920-е гг., многократно переиздавались в Англии и США. Взгляды Б. Пейерса на русскую историю эволюционизировали под сильным влиянием воззрений русских кадетов, и в частности П.Н. Милюкова, с которым английский историк был дружен во время своей дипломатической службы в царской России⁴. Первое поколение британских славистов имело дело с дореволюционной Россией, поэтому оно могло лучше других сравнивать и оценивать все то, что произошло с Россией в последующие годы.

В 1917-1918 гг. при содействии английских научных кругов и отделений ИМКА ученые и представители русской интеллигенции в эмиграции начали создавать Русские академические группы. Большую работу в данном направлении проводил управляющий делами русских беженцев в Лондоне А.М. Ону. Александр Михайлович Ону, в прошлом приват-доцент Санкт-Петербургского университета, читал лекции по русским вопросам в Кембридже, Лондоне, Париже, Сорбонне⁵. Русские академические

группы за рубежом, начиная с 1921 г., регулярно проводили съезды в разных странах Европы. Достаточно много внимания вопросу образования русской молодежи в эмиграции уделял в своей научно-педагогической деятельности М.И. Ростовцев. В январе 1920 г. он писал из Оксфорда своему другу и соратнику по политической борьбе М.М. Винаверу в Париж: «Сейчас, мне кажется, помимо политических дел, очень остро стоит вопрос о нашей молодежи за границей. Конечно, они учатся в разных учебных заведениях, и это хорошо: но они теряют связь с Россией и о России ничего не знают. Я имею в виду специально русские предметы: русская история, литература, язык, право и т.д. Следовало бы серьезно подумать о русской школе покойного М.М. Ковалевского в Париже»⁶.

Совместно с академиком П.Г. Виноградовым, М.И. Ростовцев делал все необходимое для «осведомления Англии о России вообще и о русской науке в частности». Оба историка руководили работой созданного при Русско-Британском братстве комитета по образованию. Оценивая обстановку в академических кругах, М.И. Ростовцев писал на родину: «Должен сказать, что дело научного сближения с Россией встречает в Англии самое живое сочувствие... Настоятельно необходимо при первой возможности постараться организовать в Лондоне Русский институт, который бы взял все это дело в свои руки... Почва для этого готова, и Англия не замедлит ответить на это основанием Английского института для России»⁷. «Имя Ростовцева пользовалось большим уважением в научных кругах Оксфорда», и не случайно в начале 1919 г. университет присудил русскому ученому почетную степень доктора. «Наряду с огромной научной работой, которую вел Ростовцев в период пребывания в Англии», немало сил он отдавал научно-организационной деятельности и прежде всего вопросам помощи в трудоустройстве историков-эмигрантов. Находясь уже в Америке, Ростовцев «просит своего коллегу Миннза помочь А.А. Васильеву, который, не будучи уверен в постоянной работе в США, послал документы на занятие должности в Англии... Он выставил свою кандидатуру на кафедру византиноведения в Лондоне (King's College)»⁸. С аналогичной просьбой он обращается и по кандидатуре П.П. Муратова, который, по словам М.И. Ростовцева, «застрял в Лондоне без дела».

Особое внимание в своей профессиональной деятельности русские историки-эмигранты уделяли вопросам собирания материалов зарубежной архивной россики. «В отличие от нормального развития исторической работы, русская эмиграция совершенно лишена возможности пополнять один естественный и существенно необходимый в исторической литературе отдел, именно издание источников и материалов»⁹. Позже, благодаря усилиям и стараниям русских эмигрантов, были опубликованы различные материалы по истории России, извлеченные из архива Британского музея, Главного центрального архива, палаты лордов, Университета Лидса и др. Особенно привлекали к себе внимание многих специалистов материалы Британского музея¹⁰. Сюда из Америки во время своего европейского турне возвращался для работы в 1923 г. профессор Висконсинского университета М.И. Ростовцев.

Активная позиция русской академической диаспоры в Великобритании содействовала основанию в 1922 г. при Школе славянских исследований Лондонского университета журнала «*Slavonic Review*», посвященного комплексному изучению России и славянского мира (выходил по три номера в год). Работой Школы руководил опекунский совет из представителей британского МИД, военных ведомств, торгово-промышленных и других заинтересованных организаций. Редакторами журнала были профессор Р. Сетон-Уотсон, Г. Уильямс и Б. Пейерс. Для первых лет существования журнала характерна тесная связь с исторической наукой русского зарубежья. В эти годы в качестве авторов по истории России в нем выступали П. Милюков, В. Маклаков, А. Кизеветтер, П. Струве, А. Лобанов-Ростовский, С. Булгаков, Ф. Родичев, А. Мейендорф, В. Шульгин, В. Коковцев и др. Эмигранты во многом задавали тон и определяли направленность журнала. Для них русская история закончилась в 1917 г., все остальное считалось слухами. А.А. Кизеветтер в письме к Б. Пейерсу предупреждал последнего о том, что ни в коем случае не будет печататься, если на страницах журнала появятся статьи большевиков¹¹. Не без участия русских историков-эмигрантов в средствах массовой информации Великобритании складывался образ советской России и ее прошлого.

Укреплению академических связей различных центров эмигрантской исторической науки способствовали частные поездки

историков в Европу и США. В октябре 1923 г. в Америке с лекциями находился академик П.Г. Виноградов. В 1938 г. по поручению Британского общества покровительства науке профессор Б.С. Ижболдин выступил с научными докладами в университетах Питсбурга, Миннеаполиса, Эванстона, Цинциннати. Вакансию лектора по экономической истории в Колумбийском университете в 1927 г. занимал М.Т. Флоринский¹². Упрочение двусторонних академических контактов содействовало в целом становлению англо-американской историографии советского общества. Гарвардский специалист в «русском вопросе» М.М. Карпович во время европейской командировки 1931-1932 г. посещал Англию. С 5 по 10 января 1931 г. в Лондоне проходил II Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, в котором принимали участие М.И. Ростовцев, В.Ф. Минорский, И. Стржиговский и др.

Начало обстоятельному изучению советской истории в Великобритании по общему признанию положил профессор Кембриджского университета Эдвард Х. Карр. Его трудам присуще преобладание позитивных оценок развития событий, приведших к победе революции. Вслед за Э. Карром этой темой стал заниматься Л. Шапиро, который, напротив, акцентировал внимание на «негативных моментах хода революции». В университете Глазго российскими исследованиями руководил доктор Рудольф Шлезингер. По свидетельству М. Мэттьюза, это был «весьма милый пожилой человек, находившийся, однако, в совершенном идеологическом смятении; он не позволял говорить ничего плохого о Сталине, с женой которого, Надеждой Аллилуевой, он когда-то работал»¹³. Позднее Институт советских и восточно-европейских исследований Университета Глазго был известен «променьшевицкими настроениями» некоторых его сотрудников. К 1939 г., как отмечается в официальных источниках, изучение России в университетах Великобритании было «представлено несколькими изолированными преподавателями», и число студентов, окончивших эту специальность в любом университете, «редко превышало 10 человек в год», в то время как объем исследовательской работы в этой области «был почти равен нулю»¹⁴.

Важную роль в повышении стандартов качества британской славистики во время Второй мировой войны сыграли русские

беженцы из Германии, Чехословакии, Франции. Они воспринимали «англосаксонский мир» в качестве «последней траншеи свободы». Это был период лояльного отношения к СССР. «Антибольшевистский роман теперь, как Вы догадываетесь, здесь не в моде»¹⁵. Атмосфера военного времени заставила сменить место пребывания и первого британского славистического журнала. В 1941 г. «*Slavonic and East European Review*» был передан комитету ученых, представляющих Американскую историческую ассоциацию. Его редакторами стали профессор С.Х. Кросс и профессор Л.И. Страховский. С 1942 по 1949 г. в США для соредактирования был приглашен из Англии Б. Пейерс. После войны англичане выразили свое недоумение по поводу ограничения публикаций американской стороной. В 1945 г. «*Slavonic Review*» вернулся в Лондон, но американцы продолжили издавать серию под названием «*American Slavic and East European Review*». С 1948 г. журнал публикуется в США как самостоятельное и независимое издание под эгидой Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS).

Для послевоенного периода развития зарубежного «руссведения» характерен обмен опытом и специалистами в области изучения русской истории между Великобританией и США. В 1948 году по годовому контракту в Америке находился ведущий британский специалист по истории большевизма Эдвард Х. Карр. В Лондон для преподавания в Славянской школе в 1944-1945 гг. выезжал Г.В. Вернадский. Для многих эмигрантов «английский опыт» работы оказался хорошей рекомендацией в университеты США. В 1945 г. профессор Б.С. Ижболдин начал преподавать на экономическом отделении Сент-Луисского университета. В 1946 г. Глеб Струве получил приглашение прочесть лекции в американских университетах, а в следующем, 1947 г., он стал профессором русской литературы в Калифорнийском университете, где работал до 1967 г., выпуская славистический сборник «*California Slavic Studies*».

Привлекательность американского континента для русских академических кругов состояла в том, что на фоне европейской эмиграции сама американская нация формировалась как гетерогенная и, соответственно, наука ее была более восприимчивой к мнению инородцев. Многие из русских жаловались на опреде-

ленный консерватизм местных академических общин в Великобритании. «Англия страна эгоизма». «К русской эмиграции никакого общественного интереса в ней не проявляется». «Помощь русским беженцам здесь не в моде»¹⁶. Тем не менее в 1949 г. Г.В. Вернадский получил предложение занять место профессора в лондонской Школе славянских и восточно-европейских исследований (в отличие от Йельского университета, долгое время не дававшего ему звания профессора). Весной 1952 г. в Лондон был командирован из Гарварда для чтения лекций в Школу славистических исследований (School of Slavonic Studies, University of London) профессор М.М. Карпович. Все это лишний раз убеждает нас в том, что ни один из эмигрантских центров не был изолирован от остальных. Из архивных фондов мы знаем о многочисленных контактах Нью-Йорка с Лондоном, Белградом, Парижем, Прагой, Берлином, Харбином как по линии профессиональной, академической, так и культурной. Маршрут Великобритания — Америка полномасштабно в исторической науке не изучался.

В послевоенное время в британской славистике появились многочисленные исследовательские центры и институты, занимающиеся изучением истории России и СССР. Тон среди них задавала лондонская Школа славянских и восточно-европейских исследований и ее журнал, который исповедовал традицию сотрудничества и взаимопонимания с СССР. В Школу в эти годы приезжали советские делегации, журнал печатал рецензии на советские издания, статьи, посвященные 800-летию Москвы. Новый директор Школы и редактор журнала У. Роуз (с 1939 по 1947 г.) был сторонником советско-британского сотрудничества. В 1945-1946 гг. в Школу было приглашено несколько преподавателей-марксистов, в частности Э. Ротштейн. Однако настроения сотрудничества с 1947 г. по политическим соображениям стали уступать место идиомам «холодной войны». Отдел истории Школы и журнала возглавил Р. Бейтс, специалист по Восточной Европе, а отдел истории СССР — Х. Сетон-Уотсон, известный своими антикоммунистическими взглядами. Вскоре это сказалось и на содержании журнала. Стал очевидным факт утраты журналом положения ведущего советологического издания в связи с появлением в Англии журналов «Soviet Studies» и «Survey».

Многие специалисты отмечали общее снижение научного уровня советологических исследований в 1940-50-е гг. в Оксфордском университете. Спад стал очевидным после безвременной кончины М. Хейворда и ухода на пенсию двух известных историков — Е.М. Каткова и С.В. Утехина. Руководство русской кафедры Оксфордского университета с 1950 г. издавало ежегодный том «Oxford Slavonic Papers» («Оксфордские славянские записки»), освещающий литературные и лингвистические проблемы. Редактор этого издания — С.А. Коновалов, профессор русского языка и литературы в Бирмингеме (с 1929 по 1945 г.), а затем профессор русского языка и руководитель русской кафедры в Оксфорде.

К 1960-м гг. многие русские историки-эмигранты стали классиками зарубежной русистики. Можно спорить о ценности их творческого наследия для отечественной науки, но независимо от этого оно стало достоянием истории британо-русских славистических контактов. Изучение «русской темы» в Великобритании в первой половине XX столетия было напрямую связано с представителями русского зарубежья: историками, филологами, общественными и партийными деятелями, ставшими после своей эмиграции из России ведущими «специалистами» в университетах Лондона, Оксфорда, Бирмингема, Глазго, Сванси. Их труды не только стали органической частью англо-американской русистики и советики, но и на многие годы определили в целом развитие основных направлений западной историографии о России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Палий П. Неиспользованное и гибнущее наследство эмиграции // Новый журнал. 1982. Кн. 146. С. 194.

² Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 195.

³ Милюков П. Н. Воспоминания (1859-1917): В 2 т. /Сост. и авт. вступ. ст. М.Г. Вандалковская; Коммент. и указ. А.Н. Шаханова. М.: Современник, 1990. Т. 1. С. 152.

⁴ См.: Pares V. A Wandering student. Syracuse, 1948.

⁵ См.: Meyendorff A. А.М. Ону (1865-1935)// Slavonic review. 1935. Vol. XIV. № 40. P. 146.

⁶ Скифский роман/ Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 135.

⁷ Там же. С. 125.

⁸ Там же. С. 315.

⁹ Архив РАН. Ф. 1609. Флоровский А.В. Оп. 1. Д. 18. Л. 141-142.

¹⁰ См.: Burtsev V. Russian documents in the British museum // Slavonic review. 1926. Vol. XII.

¹¹ См.: Дом-музей М. Цветаевой. Картонная папка (далее ДМЦ КП) 1024/50; Kiezewetter A. Klyuchevsky and Russian history // Slavonic review. 1923. Vol. III.

¹² Columbia university libraries, The rare book and manuscript library, Vakhmeteff archive, Ms. coll., M.T. Florinsky papers. Box 12. 3.100 items.

¹³ Мэттьюз М. Есть ли будущее у советологии? // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 36-50.

¹⁴ См.: Ротштейн Э. Преподавание и изучение истории СССР в британских университетах // Вопросы истории. 1957. № 5.

¹⁵ ДМЦ КП 732/43.

¹⁶ Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939. С. 36.